

В литературном краеведении города 2022 год проходит под знаком 210-летнего юбилея автора «Обломова» и «Обрыва» и 200-летия создателя повестей «Деревня» и «Гуттаперчевый мальчик».

Гончаров и Григорович: при всей разнице характеров...

Иван Александрович Гончаров и Дмитрий Васильевич Григорович – современники, уроженцы Симбирского края. Представим этих писателей словами, которые характеризуют отношение каждого из них к своему призванию. В 1859 году Гончаров писал И.С. Тургеневу: «Я откровенно люблю литературу, и если бывал чем **счастлив** в жизни, так **это** своим **призванием**».

Д.В. Григорович также признавался: «Я всегда с чувством глубочайшей благодарности обращаюсь к Промыслу, направившему меня с юности к литературным занятиям. Любовь к литературе была моим ангелом-хранителем; она приучила меня к труду, она часто служила мне лучше рассудка, предостерегая меня от опасных увлечений; ей одной, наконец, обязан я долей истинного счастья, испытанного мною в жизни...».

Широко известна групповая фотография писателей авторов журнала «Современник», созданная фотографом Сергеем Левицким в 1856 году. На ней запечатлены молодой Лев Толстой в военном мундире, недавно вернувшийся с Крымской войны, также выдающийся драматург Александр Островский, ещё без бороды, рядом с ним сидит беллетрист Александр Дружинин, а следом – два великих Ивана: Тургенев и Гончаров. В центре стоит писатель Дмитрий Григорович. Все молодые, полны планов, у каждого впереди большая творческая жизнь. И каждый внесёт свой вклад в создание великого явления мировой культуры – русской классической литературы. Гончаров писал в своей «Необыкновенной истории» об атмосфере ожидания перемен, сложившейся в России в это время: «В начале 1855-го года, именно в феврале, я вернулся через Сибирь в Петер-

бург. Там я застал весь литературный кружок в сборе... Говорили много, спорили о литературе, обедали шумно, весело – словом, было хорошо».

На фотографии Левицкого Гончаров скромно сидит с краю, чуть позади Тургенева. В это время он автор только одного крупного произведения – романа «Обыкновенная история» и «увертюры ко всему роману», по словам самого автора, главы ещё не написанного «Обломова» – «Сон Обломова».

Дмитрий Григорович в момент создания снимка находится в зените славы, он уже создал свои самые известные произведения «Деревня» и «Антон Горемыка», которые открыли новую тему в русской литературе. Музыкальный критик Юрий Карлович Арнольди оставил такие впечатления от встречи с ним: «Высокий, стройный брюнет, с красивым, открытым, прямо все высказывающим лицом, и с теплым взглядом, соответствующим душевной улыбке антично очерченных губ».

Гончаров и Григорович на протяжении почти всей своей литературной деятельности близко общались друг с другом. Но сразу следует отметить – между ними не было тёплых дружеских отношений. Об этом свидетельствуют страницы «Литературных воспоминаний» Григоровича, посвящённые Ивану Александровичу, которые писались в 1892–1893 годах. В них освещена литературная жизнь 1840–50-х годов. Приведём небольшой отрывок из «Воспоминаний»: «В безусловном поклонении произведениям Гончарова скрывается доля какого-то непонятного лицемерия – боязнь смело высказывать своё мнение. Сколько раз случалось мне говорить с приверженцами Гончарова и просить их откровенно сказать, много ли раз перечитывали они от начала до конца «Обыкновенную историю» и «Обрыв»; большая часть призна-

Дом-памятник И.А. Гончарову на Венце

залась, что ни разу не перечитывала этих романов; другие признавались, что начинали перечитывать, но показало как будто что-то скучновато... В результате из всего написанного Гончаровым остаётся «Сон Обломова» — действительно прекрасное литературное произведение; но разве в сочинениях Толстого и Тургенева не найдется произведений настолько же прекрасных в литературном и художественном отношении?».

И.А. Гончаров не оставил подобных воспоминаний, хотя в очерках, написанных в 1870–1880-е годы, обращался к осмыслению литературного процесса, участником которого он был. По природе своего таланта, склонного к типизации и обобщению, Иван Александрович не даёт портретных характеристик писателей своих современников, а представляет литературный процесс, отдавая должное каждому писателю. Д.В. Григоровичу он определил важное и достойное место в истории русской литературы середины XIX века. В своих очерках он пишет: «Тургенев в «Записках охотника», Григорович в «Бобыле» и «Антоне Горемыке»... почин правдивого воспроизведения народной жизни в искусстве принадлежит этим художникам, и данные ими образцы останутся навсегда в истории литературы». (Очерк «Предисловие к роману «Обрыв»). В другом очерке: «Тургенев («Записки охотника»), Писемский, Григорович обессмертили нравы русского крепостного крестьянина...» Очерк «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»). И даже в частном письме к П.М. Третьякову от 5 (17) октября 1870 по поводу создания своего портрета для галереи Гончаров не забывает упомянуть Григоровича: «Знаете, я Вам писал, но повторюсь, что во всей литературной плеяде, от Белинского, Тургенева, графов Льва и Алексея Толстых, Островского, Писемского, Григоровича, Некрасо-

ва, может быть, и я имею некоторую долю значения, но, взятый отдельно и в оригинале, и на портрете, я буду представлять неважную картину».

Справедливости ради следует отметить, что оба писателя вращались в одном кругу, участвовали в литературных чтениях, заседаниях, званных обедах. Но в памяти мемуаристов не осталось ни одной конфликтной ситуации между ними.

В «Необыкновенной истории», над которой Гончаров работал во второй половине 1870-х годов, объясняя атмосферу литературного кружка, он писал: «Мне казалось, и я потом убедился в этом, что одна литература бессильна связать людей искренно между собою, но что она скорее способна разделять их друг с другом. Во всех сношениях членов кружка было много товарищества, это правда, размена идей, обработка понятий и вкуса. Но тут же пристальное изучение друг друга — много и отравляло искренность отношений и вредило дружбе».

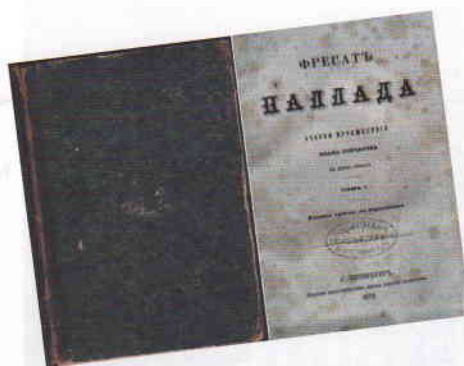
Остановимся несколько подробнее на становлении Дмитрия Григоровича как писателя. Его первичным образованием занимались мать Сидония Петровна (родная сестра Камиллы Ле-Дантю) и бабушка Мари Ле-Дантю (бывшая гувернантка дочерей генерала Ивашева), разговаривая с ним только по-французски. Григорович вспоминал впоследствии: «Пяти лет бабушка посадила меня за книжку. Книжка эта была французская азбука, присланная из Парижа». В 1858–1859 годах длительное путешествие по России предпринял Александр Дюма-отец, а затем издал книгу «Впечатления от поездки в Россию» где с большой теплотой описал встречи с Григоровичем и их сотрудничество. Они вместе побывали в Петергофе и Ораниенбауме. Григорович увлёк французского коллегу рассказами о творчестве Пушкина, По-

лежаева, Лажечникова, Крылова, познакомил с Некрасовым и Панаевым. С помощью Григоровича Дюма переводил на французский язык стихи Пушкина, Вяземского, Некрасова, а также роман И.И. Лажечникова «Ледяной дом». Дмитрий Васильевич получил любезное приглашение Дюма побывать у него в Париже. В книге «Корабль «Ретвизан»» Григорович подробно описывает путешествие в Париж, встречу с Дюма, оригинальный дом и замок писателя, встречи и беседы с Дюма-сыном.

Первым фактором становления русской личности Дмитрия Васильевича стало окружение и общение с простым русским народом от пожилого и мудрого Николая, камердинера отца, до игр с деревенскими ребятишками. Григорович так писал об этом в «Литературных воспоминаниях»: «До восьми лет в моих руках не было ни одной русской книги; русскому языку выучился я от дворовых, крестьян и больше от старого отцовского камердинера Николая. Он любил меня, ...как будто отец мой, перед памятью которого он благоговел, завещал ему утешать меня, любить и ласкать. О нём можно сказать то же, что Филарет (Патриарх Московский и всея Руси, XVII в.) говорил о русском народе: в нём свету мало, но теплоты много. По целым часам караулил он, когда меня пустят гулять, брал на руки, водил по полям и рощам, рассказывал разные приключения и сказки... за весь холод и одиночество моей детской жизни я отогревался только, когда был с Николаем. Когда было решено везти меня в Москву и наступила минута расставания с Николаем, я, как иступленный, с криком бросился к нему на шею, истерически рыдал и так крепко обхватил его руками, что пришлось силой меня оторвать».

Судьба постоянно сводила Григоровича с людьми, увлечёнными литературным трудом. Он признавался, что к занятию литературой привлёк его пример Некрасова: «Пример молодого литератора, жившего исключительно своим трудом, действовал возбуждительно на моё воображение».

В неполные 23 года Григорович берётся за большую повесть «Деревня» и в конце 1846 года печатает её в «Отечественных записках». Повесть сразу дала Григоровичу литературное имя, а в 1847 году в «Современнике» публикуется знаменитый «Антон Горемыка». В начале 1860-х годов

литературная деятельность Григоровича почти прекращается, начинается новый этап в его жизни. Он становится секретарём «Общества поощрения художеств» и поднимает музейное дело в России. В 1867 году Дмитрия Васильевича назначили художественным экспертом русского отдела на Всемирной Парижской выставке. В 1868 году избрали почётным членом Академии художеств. В 1888 году он уже член-корреспондент Петербургской Академии наук. В 1890-е годы Григорович был председателем петербургского Театрально-литературного комитета. В середине 1880-х годов он снова берётся за перо и пишет повести «Гутаперчевый мальчик», «Акробаты благотворительности». Повесть «Гутаперчевый мальчик» (1883) о несчастном жребии маленького акробата-сироты была воспринята критикой как «маленький шедевр» и вошла в классику русской детской литературы.

Гончаров и Григорович, при всей разнице характеров, темперамента, имели в жизни то общее, что определялось временем и сложившимся укладом. Каждый рано потерял отца (Иван Александрович в 7 лет, Дмитрий Васильевич в 8 лет), они, как и многие в то время, ещё совсем детьми покинули родной дом и получали образование в казённых учреждениях. В каждом было непреодолимое стремление к творчеству. И Гончаров, и Григорович из-за сложившихся жизненных обстоятельств вынуждены были служить и достигли высоких чинов: Гончаров вышел в отставку действительным статским советником, членом Государственного совета по делам печати. Д.В. Григорович стал кавалером ордена Святого Станислава I степени, почётным в Российской империи, за многолетнюю службу секретарём «Общества поощрения художеств». Кавалеры этого ордена приравнивались к чину действительного статского советника. Гончаров и Григорович были членами Русского географического общества, созданного в 1845 году.

Вдохновлённый путешествием И.А. Гончарова в Японию в составе русской дипломатической миссии под руководством Е.В. Путятина и книгой очерков-путешествия «Фрегат "Паллада"», военно-морской министр великий князь Константин Николаевич обратился к русским писателям с предложением принять уча-

стие в заграничных походах кораблей с тем, чтобы оставить затем летопись этих походов. Среди немногих писателей на призыв военно-морского министра откликнулся Д.В. Григорович. В 1858–1859 годах он совершил путешествие вокруг Европы и описал его в ряде очерков, носящих общее заглавие «Корабль "Ретвизан"».

Гончаров и Григорович состояли в жюри по присуждению Грибоедовской премии лучшей в сезоне пьесе, поставленной императорскими или частными театрами в Петербурге и Москве. Премию вручали 30 января (11 февраля по новому стилю) – в день гибели Александра Грибоедова. Впервые она была вручена в 1883 году А.Н. Островскому за пьесу «Красавец-мужчина». По поводу этого вручения И.А. Гончаров не согласился с мнением Д.В. Григоровича и А.Н. Пыпина, чтобы в этом году не присуждать премию никому. Гончаров полагал, что она может быть присуждена А.Н. Островскому. В результате Григорович согласился с Гончаровым.

Несомненно, большой интерес Гончарова вызывало родство Дмитрия Васильевича с Камиллой Ле-Дантю. Мать Григоровича Сидония (урождённая Вермон) была сводной сестрой Камиллы Ле-Дантю. Романтическая история любви юной Камиллы, дочери гувернантки в доме генерала П.Н. Ивашева, к сыну генерала, кавалергладскому ротмистру Василию Ивашеву была знакома Гончарову с юношеских лет. Ивашевы имели свой дом в Симбирске и подолгу жили в нём. После разгрома восстания декабристов, в 1831 году Камилла уехала в Сибирь и вышла замуж за ставшего каторжанином Василия Петровича. Забегая вперёд, стоит отметить, что деятельная бабушка-француженка Мария-Сесиль после смерти своей дочери, а вслед за ней и зятя, в 1841 году привезла из Сибири по разрешению государя своих троих внуков, детей декабриста: Марию, Веру и Петра. И.А. Гончаров коротко пересказал эту романтическую историю в черновом варианте рукописи очерка «На родине»: «В С. [Симбирске] проживал

отставной генерал И. [П.Н. Ивашев], сын которого, гвардейский капитан был серьёзно замешан в заговоре декабристов и сослан на каторгу в Сибирь. Тут был и роман. К нему в ссылку вызвалась ехать любившая его в тайне гувернантка в доме отца, дотоле не смевшая мечтать о браке с сыном богатого семейства. Предложение её было принято. Она отправилась и вышла за молодого И. замуж. Рассказывают, что, приехав на место и увидев жениха в арестантском костюме вместо блестящего мундира, она упала в обморок».

Судьбу Камиллы Ле-Дантю и других жён декабристов, которыми Гончаров восхищался, он хотел отразить в первоначальном сюжете своего последнего романа. В очерке «Необыкновенная история», восстанавливая историю замысла романа «Обрыв», писатель отмечал: «Вместо нигилиста Волохова, каким он вышел в печати, у меня тогда был намечен в романе сосланный под надзор полиции, по неблагонадежности, вольнодумец... Потом, по первоначальному плану, Вера, увлекшись Волоховым, уехала с ним в Сибирь...»

Покинув Симбирск двадцатитрёхлетним юношей, Гончаров до конца жизни остался неразлучен с родным городом, где прошло его детство, куда он неизменно приезжал на каникулы московским студентом и позже, уже известным писателем. В Симбирске Гончаров работал над первой частью «Обломова», задумал роман «Обрыв», работал над ним в свой последний приезд, в 1862 году. Очерки последних лет «Поездка по Волге», «Уха» родились на основе симбирских впечатлений писателя.

В 1870-е годы Гончаров писал: «Я сам и среда, в которой я родился, воспитывался, жил – и всё это помимо моего сознания само собой отразилось силой рефлексии у меня в воображении».

Следует признать: взаимоотношения писателей-современников имеют особую важность. Они воссоздают живой облик писателя-художника и дают возможность представить духовно-интеллектуальный климат времени и панораму литературной жизни России XIX века.

Антонина Лобкарёва,

ст. научный сотрудник
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова